

Выставка ленинградских художников в Москве

Леонид ЛЕОНОВ

Ленинградцы

Я помню одно почти такое же воспоминание. Желтые леса и холмы, девственные небо сентябрьской глади в широкие окна и отражались в мраморном паркете этого музея. Стояла тишина, и сидели молодые люди, будущие художники и архитекторы, благоговейно всматриваясь в старинные доски, которых касалась благородная рука Джорджона и Джулло Романо.

Как все изменилось с той поры, когда ветер войны подул над столицей! Эти скромные юноши и девушки, одетые в весную форму, ушли на фронт защищать свое право на родину и культуру.

Задолго времени увезены из города дети и сироты. Старики Джорджоне и Джулло Романо уехали в глубь страны, куда в свое время укрылись Рембрандты и Тицианы ленинградского Эрмитажа.

Залы музея опустели. Но вот опять они наполняются людьми,— только среди них теперь меньше молодежи. Врачи, писатели, профессора столицы неторопливо идут залом стены, где развесены бумаги и холсты новой выставки. Сегодня здесь показаны работы ленинградских художников за зимний период 1941-42 г.

Всё сделано в неторопленной композиции с выбитыми окнами, завешанными ковром. Они нарисованы красками, которые не высоки, а затвердели от мороза. При колпаках. Нужно было подолгу отогревать руки на подобии очага, чтобы они стали способны нанести очередной мазок. Это писали люди, истощенные недоднем. Некоторые из этих отличных мастеров не дожили до своего вернисажа.

Пройдем по этим залам, где висят произведения-рыбы, произведения-улики. Ты видишь сурговый лик города-красавца, поклонившегося своим чарами всю русскую музыку и литературу. Ты обратишь внимание на иссиний-белый королевский снег, снег... Вот он, весь в сургах, расплывчатый и мистичный, бесконечно знакомый прошлого, как маяк ампирной красоты, вспыхивает вдали про славленная Адмиралтейская итла... но люди с окаменевшими лицами движутся рядом с танками, на фронте. Вот распахнутый воротом дом на фоне бесстрастной горы-града Исаакия. Вот «Александрийский Столп» Пушкина перед Зимним дворцом, озелененный в защиту от бомбометов деревянной одеждой...

Все это было бы нестерпимо пустынно без людей. И вот, все полно здесь теплым человеческим дыханием, отважной ленинградца. Гляди: патриархи обсуждают в землянке, за некрасивым столом планочной операции, вот легчики, стройные даже в своих меховых комбинезонах, выводят на старт свою стальной птицы. Вот рабочие величайшего металлокурического завода, который всегда был, как стальная рука, на которую ведут из кулачка России. Внимательные взоры вглядываются в эти скромные, совсем маленькие по масштабу фигуры. Нет, не страшно жить на земле, пока живут и держат на правду на земле такие люди!

Девушки несут на разомбленном земле раненого ребенка. Большого таштана санках куда-то на санитарный пункт (рисунки А. Пахомова). Город в белой пелене снега и мороза; набережная, откуда царь Петр глядел в будущее своего государства. Мосты, эвакуации. Эрмитажа, пустые рамы... (картины В. Пакулина). Вот крыши города, как бы прижатые к земле воздушной тревогой. В последний раз рабочие осматривают танки, готовые ринуться в ночную бой. Ледяные сталактины, обширность помещений, смеющиеся поставленные источники света придают этой работе монументальную значительность (Н. Дормидонов). Здесь же — масляные эскизы картин, которые, возможно, будут написаны после войны. Вот их автор, худой и очень сурговый ленинградский человек, не выпустивший кисти из своих синих от холода рук. Его зовут Ярослав Николаев.

Когда-нибудь может быть в такую же золотую осень, наш потомок оглянется на нас из теплого дома и залившего светом окна. И увидит наши затмленные города, поля искромсаные. Тогда он с бережной нежностью заново перелистает эту летопись ленинградских мастеров, искреннюю и правдивую. Он увидит во весь рост мужественного ленинградского человека и улыбнется ему, как улыбаются далекому брату.

Мыльные пузыри, и шарнирные их осторожно каски к пристани. У одних были закрыты глаза и мучительно сжаты губы, другие лягли в звездное, крымское небо, точно навсегда хотели запомнить его.

Они последними покидали город. Собственно говоря, города не было, были развалины, они пахли пылью и дымом; на центральных улицах уже шагали немцы, они взламывали двери уцелевших домов, полосковали автоматным огнем трубы и мостовые и подбадривали себя хрипящими выкриками, но путь к пристани оставался все тем же, все так же торопливо навязывали подковы краснофлотских сапог на кругом спуске, как тогда, в поздние часы, когда надо было спешить к катеру, чтобы попасть на корабль.

Скульпторы, В. Богослов, В. Исаева, А. Андреева-Петрова занялись рядом скульптурных композиций.

НОВЫЕ РАБОТЫ

Ленинградские художники продолжают активную работу по созданию произведений живописи, графики и скульптуры, посвященных городу Ленину в дни великой отечественной войны.

Около двадцати художников работают по заданиям Всекхудожника. В. Кучумов пишет картину «Ленинград в дни обороны», В. Пакулин продолжает работу над серией пейзажей «На улицах Ленинграда». В. Раевская заканчивает картину «Эвакуация детей из Ленинграда». И. Владимиров избрал темой своих работ несколько боевых эпизодов ленинградского фронта. В. Серов пишет картину «У входа в город». Большое место в работах ленинградских художников занимает партизанская тема.

Скульпторы, В. Богослов, В. Исаева, А. Андреева-Петрова занялись рядом скульптурных композиций.

Автолитография художника А. Пахомова.

Наталия СОКОЛОВА

Правда пережитого

Выставки гораздо наряднее этой, картины на них законченные, скuptury и рисунки эффективные. Но эти не оставляют заметного следа ни в истории искусства, ни в личной биографии художников. А эта выставка, скромная по масштабам и количеству участников, воспринимается, как большое событие в нашей духовной жизни.

Выставка сугубо биографична. Это поэзия жизни города, ставшего нам в это краткое и дороже в дни борьбы и испытаний. Этот раз в эпизод, рисованы художники-литографы, как были с врагом, как вспоминали своих детей, скрывающих свое право на родину и культуру.

Задолго времени увезены из города дети и сироты. Старики Джорджоне и Джулло Романо уехали в глубь страны, куда в свое время укрылись Рембрандты и Тицианы ленинградского Эрмитажа.

Залы музея опустели. Но вот опять они наполняются людьми,— только среди них теперь меньше молодежи. врачи, писатели, профессора столицы неторопливо идут залом стены, где развесены бумаги и холсты новой выставки. Сегодня здесь показаны работы ленинградских художников за зимний период 1941-42 г.

Всё сделано в неторопленной композиции с выбитыми окнами, завешанными ковром. Они нарисованы красками, которые не высоки, а затвердели от мороза. При колпаках. Нужно было подолгу отогревать руки на подобии очага, чтобы они стали способны нанести очередной мазок. Это писали люди, истощенные недоднем. Некоторые из этих отличных мастеров не дожили до своего вернисажа.

Пройдем по этим залам, где висят произведения-рыбы, произведения-улики. Ты видишь сурговый лик города-красавца, поклонившегося своим чарами всю русскую музыку и литературу. Ты обратишь внимание на иссиний-белый королевский снег, снег... Вот он, весь в сургах, расплывчатый и мистичный, бесконечно знакомый прошлого, как маяк ампирной красоты, вспыхивает вдали про славленная Адмиралтейская итла... но люди с окаменевшими лицами движутся рядом с танками, на фоне бесстрастной горы-града Исаакия. Вот «Александрийский Столп» Пушкина перед Зимним дворцом, озелененный в защиту от бомбометов деревянной одеждой...

Все это было бы нестерпимо пустынно без людей. И вот, все полно здесь теплым человеческим дыханием, отважной ленинградца. Гляди: патриархи обсуждают в землянке, за некрасивым столом планочной операции, вот легчики, стройные даже в своих меховых комбинезонах, выводят на старт свою стальной птицы. Вот рабочие величайшего металлокурического завода, который всегда был, как стальная рука, на которую ведут из кулачка России. Внимательные взоры вглядываются в эти скромные, совсем маленькие по масштабу фигуры. Нет, не страшно жить на земле, пока живут и держат на правду на земле такие люди!

Девушки несут на разомбленном земле раненого ребенка. Большого таштана санках куда-то на санитарный пункт (рисунки А. Пахомова). Город в белой пелене снега и мороза; набережная, откуда царь Петр глядел в будущее своего государства. Мосты, эвакуации. Эрмитажа, пустые рамы... (картины В. Пакулина).

Всё сделано в неторопленной композиции с выбитыми окнами, завешанными ковром. Они нарисованы красками, которые не высоки, а затвердели от мороза. При колпаках. Нужно было подолгу отогревать руки на подобии очага, чтобы они стали способны нанести очередной мазок. Это писали люди, истощенные недоднем. Некоторые из этих отличных мастеров не дожили до своего вернисажа.

Пройдем по этим залам, где висят произведения-рыбы, произведения-улики. Ты видишь сурговый лик города-красавца, поклонившегося своим чарами всю русскую музыку и литературу. Ты обратишь внимание на иссиний-белый королевский снег, снег... Вот он, весь в сургах, расплывчатый и мистичный, бесконечно знакомый прошлого, как маяк ампирной красоты, вспыхивает вдали про славленная Адмиралтейская итла... но люди с окаменевшими лицами движутся рядом с танками, на фоне бесстрастной горы-града Исаакия. Вот «Александрийский Столп» Пушкина перед Зимним дворцом, озелененный в защиту от бомбометов деревянной одеждой...

Все это было бы нестерпимо пустынно без людей. И вот, все полно здесь теплым человеческим дыханием, отважной ленинградца. Гляди: патриархи обсуждают в землянке, за некрасивым столом планочной операции, вот легчики, стройные даже в своих меховых комбинезонах, выводят на старт свою стальной птицы. Вот рабочие величайшего металлокурического завода, который всегда был, как стальная рука, на которую ведут из кулачка России. Внимательные взоры вглядываются в эти скромные, совсем маленькие по масштабу фигуры. Нет, не страшно жить на земле, пока живут и держат на правду на земле такие люди!

Девушки несут на разомбленном земле раненого ребенка. Большого таштана санках куда-то на санитарный пункт (рисунки А. Пахомова). Город в белой пелене снега и мороза; набережная, откуда царь Петр глядел в будущее своего государства. Мосты, эвакуации. Эрмитажа, пустые рамы... (картины В. Пакулина).

Всё сделано в неторопленной композиции с выбитыми окнами, завешанными ковром. Они нарисованы красками, которые не высоки, а затвердели от мороза. При колпаках. Нужно было подолгу отогревать руки на подобии очага, чтобы они стали способны нанести очередной мазок. Это писали люди, истощенные недоднем. Некоторые из этих отличных мастеров не дожили до своего вернисажа.

Пройдем по этим залам, где висят произведения-рыбы, произведения-улики. Ты видишь сурговый лик города-красавца, поклонившегося своим чарами всю русскую музыку и литературу. Ты обратишь внимание на иссиний-белый королевский снег, снег... Вот он, весь в сургах, расплывчатый и мистичный, бесконечно знакомый прошлого, как маяк ампирной красоты, вспыхивает вдали про славленная Адмиралтейская итла... но люди с окаменевшими лицами движутся рядом с танками, на фоне бесстрастной горы-града Исаакия. Вот «Александрийский Столп» Пушкина перед Зимним дворцом, озелененный в защиту от бомбометов деревянной одеждой...

Все это было бы нестерпимо пустынно без людей. И вот, все полно здесь теплым человеческим дыханием, отважной ленинградца. Гляди: патриархи обсуждают в землянке, за некрасивым столом планочной операции, вот легчики, стройные даже в своих меховых комбинезонах, выводят на старт свою стальной птицы. Вот рабочие величайшего металлокурического завода, который всегда был, как стальная рука, на которую ведут из кулачка России. Внимательные взоры вглядываются в эти скромные, совсем маленькие по масштабу фигуры. Нет, не страшно жить на земле, пока живут и держат на правду на земле такие люди!

Девушки несут на разомбленном земле раненого ребенка. Большого таштана санках куда-то на санитарный пункт (рисунки А. Пахомова). Город в белой пелене снега и мороза; набережная, откуда царь Петр глядел в будущее своего государства. Мосты, эвакуации. Эрмитажа, пустые рамы... (картины В. Пакулина).

Всё сделано в неторопленной композиции с выбитыми окнами, завешанными ковром. Они нарисованы красками, которые не высоки, а затвердели от мороза. При колпаках. Нужно было подолгу отогревать руки на подобии очага, чтобы они стали способны нанести очередной мазок. Это писали люди, истощенные недоднем. Некоторые из этих отличных мастеров не дожили до своего вернисажа.

Пройдем по этим залам, где висят произведения-рыбы, произведения-улики. Ты видишь сурговый лик города-красавца, поклонившегося своим чарами всю русскую музыку и литературу. Ты обратишь внимание на иссиний-белый королевский снег, снег... Вот он, весь в сургах, расплывчатый и мистичный, бесконечно знакомый прошлого, как маяк ампирной красоты, вспыхивает вдали про славленная Адмиралтейская итла... но люди с окаменевшими лицами движутся рядом с танками, на фоне бесстрастной горы-града Исаакия. Вот «Александрийский Столп» Пушкина перед Зимним дворцом, озелененный в защиту от бомбометов деревянной одеждой...

Все это было бы нестерпимо пустынно без людей. И вот, все полно здесь теплым человеческим дыханием, отважной ленинградца. Гляди: патриархи обсуждают в землянке, за некрасивым столом планочной операции, вот легчики, стройные даже в своих меховых комбинезонах, выводят на старт свою стальной птицы. Вот рабочие величайшего металлокурического завода, который всегда был, как стальная рука, на которую ведут из кулачка России. Внимательные взоры вглядываются в эти скромные, совсем маленькие по масштабу фигуры. Нет, не страшно жить на земле, пока живут и держат на правду на земле такие люди!

Девушки несут на разомбленном земле раненого ребенка. Большого таштана санках куда-то на санитарный пункт (рисунки А. Пахомова). Город в белой пелене снега и мороза; набережная, откуда царь Петр глядел в будущее своего государства. Мосты, эвакуации. Эрмитажа, пустые рамы... (картины В. Пакулина).

Всё сделано в неторопленной композиции с выбитыми окнами, завешанными ковром. Они нарисованы красками, которые не высоки, а затвердели от мороза. При колпаках. Нужно было подолгу отогревать руки на подобии очага, чтобы они стали способны нанести очередной мазок. Это писали люди, истощенные недоднем. Некоторые из этих отличных мастеров не дожили до своего вернисажа.

Пройдем по этим залам, где висят произведения-рыбы, произведения-улики. Ты видишь сурговый лик города-красавца, поклонившегося своим чарами всю русскую музыку и литературу. Ты обратишь внимание на иссиний-белый королевский снег, снег... Вот он, весь в сургах, расплывчатый и мистичный, бесконечно знакомый прошлого, как маяк ампирной красоты, вспыхивает вдали про славленная Адмиралтейская итла... но люди с окаменевшими лицами движутся рядом с танками, на фоне бесстрастной горы-града Исаакия. Вот «Александрийский Столп» Пушкина перед Зимним дворцом, озелененный в защиту от бомбометов деревянной одеждой...

Все это было бы нестерпимо пустынно без людей. И вот, все полно здесь теплым человеческим дыханием, отважной ленинградца. Гляди: патриархи обсуждают в землянке, за некрасивым столом планочной операции, вот легчики, стройные даже в своих меховых комбинезонах, выводят на старт свою стальной птицы. Вот рабочие величайшего металлокурического завода, который всегда был, как стальная рука, на которую ведут из кулачка России. Внимательные взоры вглядываются в эти скромные, совсем маленькие по масштабу фигуры. Нет, не страшно жить на земле, пока живут и держат на правду на земле такие люди!

Девушки несут на разомбленном земле раненого ребенка. Большого таштана санках куда-то на санитарный пункт (рисунки А. Пахомова). Город в белой пелене снега и мороза; набережная, откуда царь Петр глядел в будущее своего государства. Мосты, эвакуации. Эрмитажа, пустые рамы... (картины В. Пакулина).

Всё сделано в неторопленной композиции с выбитыми окнами, завешанными ковром. Они нарисованы красками, которые не высоки, а затвердели от мороза. При колпаках. Нужно было подолгу отогревать руки на подобии очага, чтобы они стали способны нанести очередной мазок. Это писали люди, истощенные недоднем. Некоторые из этих отличных мастеров не дожили до своего вернисажа.

Пройдем по этим залам, где висят произведения-рыбы, произведения-улики. Ты видишь сурговый лик города-красавца, поклонившегося своим чарами всю р

О ГЕРОЕ.

Герой рождает нации, страна, народ. Народ, история которого бедна героями, обречена на духовное прозябанье. Искусство такого народа — белое, чахлое искусство.

Театр не может существовать без героя, так же, как герой, рождающий народом, является выразителем наиболее передовых, созидающих идей самого народа, а театральный герой является воплощением того лучшего человека, которого пока вынуждена, ищет и находит.

Герой, рождающий жизнь, может быть красивым или некрасивым, обладать голосом сильным или слабым, — это для героя не существенно, легенда наградит его чертами совершеннейшей красоты. А другой театральный герой является воплощением того лучшего человека, которого пока вынуждена, ищет и находит.

Такие имена творческие и формальные качества определяют актера на геройские роли в прошлом. Это был актер большой эмоциональной силы, благородных душевных тембров, актер-романтик, самовлюбленно влюбленийшийся в образы Гамлета, Фердинанда, Чапаева, Жадова и др.

Профессиональное его наименование было: «герой-любовник». Сейчас не редкость встретить среди актеров несколько иронических оттенков в театральной номенклатуре. Но для нас, людей старшего поколения театра, это звучало иначе — «герой-любовник». Сочетание прекрасных понятий: геройства и любви. Разве это плохо? Или другое это прекрасное исчезло.

Герой-любовник исчез, а на смену ему пришел «любовник-неврастеник». И даже герой-неврастеник.

Откуда, какими чарами и колдовством, заворожило это иллюзорное клиническое сочетание глубоко противоречивых понятий?

Случилось это, конечно, не сразу, а постепенно. Из литературы и со сценой начал постепенно исчезать тот целостный человек, которым так болела была пореформенная эпоха 60—70-х годов. На смену ему замелькали серые силуэты безвремя и уныния, 80-е и половины 90-х годов, «умурлы» люди, «человеки в футлярах», запутанные до отупения в машинах политическим террором царизма.

Актер несколько опечалился: как, какими средствами надо изображать этого нового человека эпохи — растерянного, живущего в сфере загадок, символов, унылого и малого? Как захочется от него? Герой-любовник спрашивал себя: «Куда же мне лезть мой голос, краски, жест, весь ялано моего отца и фантазии?»

Театр рос и множился, вырабатывались многообразные стили, формы и методы... Театры обогащались техникой, знанием, вкусом, талантом... Русский театр давно уже вышел на первое место и прочно держит свое первенство и поныне. Но... герой из театра ушел.

Герой, как носитель большой сценической формы, актер огромного душевного вакала, актер портвьера потрясающего и вызывающего, — такой актер из театра ушел. Хороших, образованных, умных и талантливых актеров нам не занимать — стать. А вот герой — нет. Герой! С горючим взором и разящим мечом. Такого — нет.

Режиссер Станиславский восхищался Ленинским. До конца дней своих он, этот театральный Фауст, искал философский камень — тайну создания актера, совершившего актерство!

Великий художник ансамбля, несравненный анатом подтекст, творец законов и формул сценического процесса, Станиславский всю жизнь испытывал тоску по будущему, жаждал явления героя, этой первозданной вспышки творческой энергии театра. И так с этой неутоленной жаждой и ушел.

Если припомнить наши предвоенные театральные дискуссии, то надо признать, что эту жажду испытывали многие театральные умы.

Скажут: до того ли сейчас? До этих же кинематографий?

Если говорить не о дискуссиях, а о самом существе дела, то я ответу:

— До того. Как нельзя более ко времени.

Недавно мне пришлось услышать у рецензии на доске следующее:

— Как все это иначе в сравнении с тем, что происходит там.

Что — «это»? Репетиции? Спектакли?

Весь наш театральный труд?.. Какой опасный поворот мыслей!

— До того. Как нельзя более ко времени.

Надо сказать, что это было в сравнении с тем, что происходит там.

Сейчас — война. Наши сознания управляют верой в победу, воля к победе, чувство родины, ощущение высокой геройской наших дней. И потому: — Актёры! Да оружие! Играть! Играт самоотверженно, ярко, вдохновенно!

Наша жизнь, потрясенная войной до глубочайших своих основ, рождает человека-героя, силой воли и духовной мощью превосходящего легендарных героев древности. Этот герой должен стать правофланговой фигурантой наступающей эпохи. Но нему уже раздается юность, он украшает юные страницы детских книг, его образ в мраморе, бронзе и красках будет смотреть на нас с порталов стадионов, со стадионов и академий.

Он же, этот герой, рожденный в отечественных борьбах, вернет нам творческое потрясение истинно германского героя.

— Кто же это?

— «Это»?

Репетиции? Спектакли?

Весь наш театральный труд?.. Какой опасный поворот мыслей!

— Да оружие! Играть! Играт самоотверженно, ярко, вдохновенно!

Надо сказать, что это было в сравнении с тем, что происходит там.

Сейчас — война. Наши сознания управляют верой в победу, воля к победе, чувство родины, ощущение высокой геройской наших дней. И потому: — Актёры! Да оружие! Играть! Играт самоотверженно, ярко, вдохновенно!

Наша жизнь, потрясенная войной до глубочайших своих основ, рождает человека-героя, силой воли и духовной мощью превосходящего легендарных героев древности. Этот герой должен стать правофланговой фигурантой наступающей эпохи. Но нему уже раздается юность, он украшает юные страницы детских книг, его образ в мраморе, бронзе и красках будет смотреть на нас с порталов стадионов, со стадионов и академий.

Он же, этот герой, рожденный в отечественных борьбах, вернет нам творческое потрясение истинно германского героя.

— Кто же это?

— «Это»?

Репетиции? Спектакли?

Весь наш театральный труд?.. Какой опасный поворот мыслей!

— Да оружие! Играть! Играт самоотверженно, ярко, вдохновенно!

Надо сказать, что это было в сравнении с тем, что происходит там.

Сейчас — война. Наши сознания управляют верой в победу, воля к победе, чувство родины, ощущение высокой геройской наших дней. И потому: — Актёры! Да оружие! Играть! Играт самоотверженно, ярко, вдохновенно!

Наша жизнь, потрясенная войной до глубочайших своих основ, рождает человека-героя, силой воли и духовной мощью превосходящего легендарных героев древности. Этот герой должен стать правофланговой фигурантой наступающей эпохи. Но нему уже раздается юность, он украшает юные страницы детских книг, его образ в мраморе, бронзе и красках будет смотреть на нас с порталов стадионов, со стадионов и академий.

Он же, этот герой, рожденный в отечественных борьбах, вернет нам творческое потрясение истинно германского героя.

— Кто же это?

— «Это»?

Репетиции? Спектакли?

Весь наш театральный труд?.. Какой опасный поворот мыслей!

— Да оружие! Играть! Играт самоотверженно, ярко, вдохновенно!

Надо сказать, что это было в сравнении с тем, что происходит там.

Сейчас — война. Наши сознания управляют верой в победу, воля к победе, чувство родины, ощущение высокой геройской наших дней. И потому: — Актёры! Да оружие! Играть! Играт самоотверженно, ярко, вдохновенно!

Наша жизнь, потрясенная войной до глубочайших своих основ, рождает человека-героя, силой воли и духовной мощью превосходящего легендарных героев древности. Этот герой должен стать правофланговой фигурантой наступающей эпохи. Но нему уже раздается юность, он украшает юные страницы детских книг, его образ в мраморе, бронзе и красках будет смотреть на нас с порталов стадионов, со стадионов и академий.

Он же, этот герой, рожденный в отечественных борьбах, вернет нам творческое потрясение истинно германского героя.

— Кто же это?

— «Это»?

Репетиции? Спектакли?

Весь наш театральный труд?.. Какой опасный поворот мыслей!

— Да оружие! Играть! Играт самоотверженно, ярко, вдохновенно!

Надо сказать, что это было в сравнении с тем, что происходит там.

Сейчас — война. Наши сознания управляют верой в победу, воля к победе, чувство родины, ощущение высокой геройской наших дней. И потому: — Актёры! Да оружие! Играть! Играт самоотверженно, ярко, вдохновенно!

Наша жизнь, потрясенная войной до глубочайших своих основ, рождает человека-героя, силой воли и духовной мощью превосходящего легендарных героев древности. Этот герой должен стать правофланговой фигурантой наступающей эпохи. Но нему уже раздается юность, он украшает юные страницы детских книг, его образ в мраморе, бронзе и красках будет смотреть на нас с порталов стадионов, со стадионов и академий.

Он же, этот герой, рожденный в отечественных борьбах, вернет нам творческое потрясение истинно германского героя.

— Кто же это?

— «Это»?

Репетиции? Спектакли?

Весь наш театральный труд?.. Какой опасный поворот мыслей!

— Да оружие! Играть! Играт самоотверженно, ярко, вдохновенно!

Надо сказать, что это было в сравнении с тем, что происходит там.

Сейчас — война. Наши сознания управляют верой в победу, воля к победе, чувство родины, ощущение высокой геройской наших дней. И потому: — Актёры! Да оружие! Играть! Играт самоотверженно, ярко, вдохновенно!

Наша жизнь, потрясенная войной до глубочайших своих основ, рождает человека-героя, силой воли и духовной мощью превосходящего легендарных героев древности. Этот герой должен стать правофланговой фигурантой наступающей эпохи. Но нему уже раздается юность, он украшает юные страницы детских книг, его образ в мраморе, бронзе и красках будет смотреть на нас с порталов стадионов, со стадионов и академий.

Он же, этот герой, рожденный в отечественных борьбах, вернет нам творческое потрясение истинно германского героя.

— Кто же это?

— «Это»?

Репетиции? Спектакли?

Весь наш театральный труд?.. Какой опасный поворот мыслей!

— Да оружие! Играть! Играт самоотверженно, ярко, вдохновенно!

Надо сказать, что это было в сравнении с тем, что происходит там.

Сейчас — война. Наши сознания управляют верой в победу, воля к победе, чувство родины, ощущение высокой геройской наших дней. И потому: — Актёры! Да оружие! Играть! Играт самоотверженно, ярко, вдохновенно!

Наша жизнь, потрясенная войной до глубочайших своих основ, рождает человека-героя, силой воли и духовной мощью превосходящего легендарных героев древности. Этот герой должен стать правофланговой фигурантой наступающей эпохи. Но нему уже раздается юность, он украшает юные страницы детских книг, его образ в мраморе, бронзе и красках будет смотреть на нас с порталов стадионов, со стадионов и академий.

Он же, этот герой, рожденный в отечественных борьбах, вернет нам творческое потрясение истинно германского героя.

— Кто же это?

— «Это»?

Репетиции? Спектакли?

Весь наш театральный труд?.. Какой опасный поворот мыслей!

— Да оружие! Играть! Играт самоотверженно, ярко, вдохновенно!

Надо сказать, что это было в сравнении с тем, что происходит там.

Сейчас — война. Наши сознания управляют верой в победу, воля к победе, чувство родины, ощущение высокой геройской наших дней. И потому: — Актёры! Да оружие! Играть! Играт самоотверженно, ярко, вдохновенно!

Наша жизнь, потрясенная войной до глубочайших своих основ, рождает человека-героя, силой воли и духовной мощью превосходящего легендарных героев древности. Этот герой должен стать правофланговой фигурантой наступающей эпохи. Но нему уже раздается юность, он украшает юные страницы детских книг, его образ в мраморе, бронзе и красках будет смотреть на нас с порталов стадионов, со стадионов и академий.

Он же, этот герой, рожденный в отечественных борьбах, вернет нам творческое потрясение истинно германского героя.

— Кто же это?

— «Это»?

Репетиции? Спектакли?

Весь наш театральный труд?.. Какой опасный поворот мыслей!

— Да оружие! Играть! Играт самоотверженно, ярко, вдохновенно!

Надо сказать, что это было в сравнении с тем, что происходит там.

Сейчас — война. Наши сознания управляют верой в победу, воля к победе, чувство родины, ощущение высокой геройской наших дней. И потому: — Актёры! Да оружие! Играть! Играт самоотверженно, ярко, вдохновенно!

Наша жизнь, потрясенная войной до глубочайших своих основ, рождает человека-героя, силой воли и духовной мощью превосходящего легендарных героев древности. Этот герой должен стать правофланговой фигурантой наступающей эпохи. Но нему уже раздается юность, он украшает юные страницы детских книг, его образ в мраморе, бронзе и красках будет смотреть на нас с порталов стадионов, со стадионов и академий.

Он же, этот герой, рожденный в отечественных борьбах, вернет нам творческое потрясение истинно германского героя.

— Кто же это?

— «Это»?

Вахтанговцы на фронте

Существуют истины, которые надо по-
вторять ежедневно, ежечасно. Не может
быть артист, писатель, художник сущес-
твовать вне борьбы, вне общего дела
нашей страны. «Театр должен быть все-
дом с народом», — учил нас Евгений Бах-
танович Вахтангов.

В советском театре зрители и актеры
живут одними идеями, одними чувства-
ми. Спектакль «Русские люди» прошел у
вахтанговцев в Омске с таким грандиоз-
ным успехом и так удался театру именно
потому, что в нем отражен сегодняшний
день нашей страны, геройство совет-
ского народа. Вахтанговцы всегда считали,
что спектакли, в которых творчески
воссозданы образы наших современников,
определяют лицо театра.

Работая в тылу, театр Вахтангова не
на минуту не забывал и о другой ауди-
тории — фронту. Мы помнили, что
привезти спектакль на фронт — дело ог-
ромной важности и довести к нему нуж-
но со всей ответственностью.

Театральные бригады находятся на
фронте с начала войны. Работает там и
бригада театра им. Вахтангова. Однако
маленький коллектив, играющий все время
только один спектакль и дающий
один концерт, может быстро исчерпать
себя. Если же посыпать на фронт все новые и новые бригады, то из участ-
ников не будут успевать оставаться с новой обстановкой и не суметь начать
полноценную творческую жизнь коллектива,
что является первым условием высокок-
ачественной театральной работы. Поэтому
театр им. Вахтангова стал необходимым
создать не временную бригаду, посто-
янную группу, которая будет обслужи-
вать фронт. Мы хотим создать театр, ко-
торый должен играть, расти и совершен-
ствовать в условиях фронта. В эту группу вошли совсем молодые, только что
окончившие нашу школу актеры — заслу-
женные артисты — вахтанговцы. Этот
театр будет работать на фронте не в ка-
честве гастролера, а постоянно, причем
он обязан опираться с любым спектак-
лем — от легкой комедии до классиче-
ской драмы.

Актёр должен быть беспощадно требо-
вательным к себе, в качестве своей иг-
ры, к уровню своего мастерства. Чем
труднее, напряженнее, ответственнее об-
становка — темнее, оттенок темнее дол-
жно быть его искусство. Из нашей фрон-
товой работы должны быть исключены
элементы случайности и легковесности.
Те принципы, которые всегда деклариро-
вали наш театр, всегда были с особен-
ной настойчивостью проведены именно в
этой работе.

Мы должны заранее учесть те условия,
в которых нам придется играть, и строить
спектакль так, чтобы отсутствие обычной
сцены, бутафории, освещения не отрази-
лось на его качестве. Только сильный,
хорошо слаженный театральный аппарат,
только полноценный репертуар, только
отличившаяся режиссерская работа помогут
нам добиться цели — стать театром
фронтовика.

До сих пор наша бригада показывала
спектакль «Свадебное путешествие» и дава-
ла концерт. Сейчас мы подготовили
две новых спектакля: «Наш корреспон-
дент» И. Меттера и Л. Левина и «Бес-
смертный» А. Арубузова и А. Глазкова.

Эти пьесы увлекли нас тем, что их гро-
ром — советские люди, бойцы, партизаны,

учащаяся молодежь.

В новой для нас обстановке мы хотим
играть так, чтобы с честью поддер-
живать великие традиции, которые соста-
вили славу русского театра. Сейчас нам,
актерам, не дано укрыться за внешними
постановочными эффектами или роскош-
ными декорациями. Искусство актера, боль-
шое и глубокое, должно представать во
всей своей значительности. Реализм, про-
стота, искренность и праздность — вот
что должно теперь наполнять наше ис-
кусство, вот что должно завоевывать и
пленять зрителя.

Театр им. Вахтангова помнит годы сво-
ей юности. Колько войны и блокады все
теснее сжимали толгу страну. В обста-
новке борьбы, труда и лишений коллек-
тив студии Вахтангова готовил «Принес-
си» Турандот. Это творение великого ре-
жиссера явилось праздничным событием в
жизни русского театра. То был результат
огромного энтузиазма, широкой энер-
гии, трудового пафоса и геройского оп-
тимизма, который вложил в свой спектакль
директор и весь коллектив.

Сейчас мы обязаны поднять наше ис-
кусство на новую высоту и добиться, чтобы
каждый наш спектакль вдохновлял
советского артиста на бой.

Виктор ЭРМАНС

Пять спектаклей

Филиал Московского театра оперетты
открыл в феврале текущего года. За
этот короткий срок театр возводил пять
спектаклей, явившихся для него своего рода премьерами... введенны новые артисты,
новое оформление и т. д.

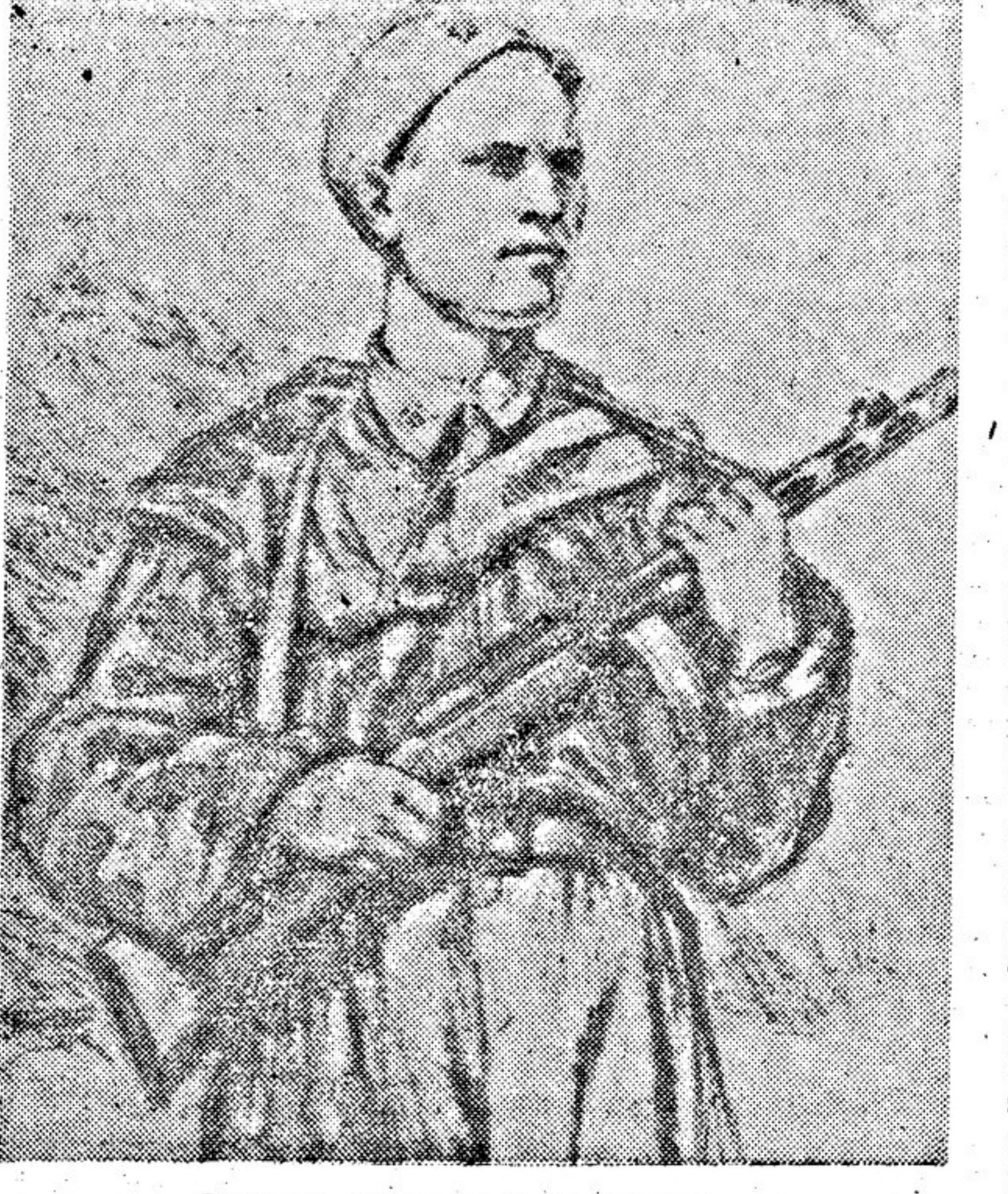
Еще несколько лет назад Московский теа-
тр оперетты вел курс на советскую оперетту и новый стиль исполнения.

Строй свой репертуар в основном на со-
ветских произведениях, театр не забывает, конечно, и классику, справедливо от-
нося к ней такую, например, композитора, как Камалын. Театр уже возобновил
камаловскую «Сильву» и намерен вбли-
зайшее время поставить его же «Ма-
рицу».

Только пройдя через работу над сов-
ременным спектаклем, только овладев но-
вым стилем исполнения, творческими кол-
лективами театра мог показать ту «Сильву»,
которую мы сейчас видим на сцене Фи-
лиала. Дело не в том, что «Сильва» имеет
новым текстом Михайлова и Толмачева,
а первое действие происходит за кулисами
и на сцене. Варесе «Орфеум», с чем мож-
но и поспорить. Гораздо важнее то, что
основное слово в спектакле пред-
ставлено самому Камалыну, который, как
известно, всегда относился к драме арти-
стки Варески.

Вот только жаль, что первый акт ре-
конструирован в значительной степени...
за счет Ферри. Этот интереснейший пер-
сонаж, этот Бен-Анiba из «Орфеума» в
новой постановке получился каким-то су-
хим и скучным.

В старом опереточном репертуаре есть
специфика. «Травинка» — она называется
«Сильвой». Эта оперетта, за время своего
существования обросла пошлыми

Гвардии лейтенант И. Монченко.
Из фронтовых зарисовок художника Ф. Глебова.

ИСТОРИЯ ЛУБКА И ХУДОЖЕСТВЕННОГО РЕПОРТАЖА

Издательское объединение «Советский график» совместно с библиотекой имени Ленина готовят в Москве выставку лубка и художественного репортажа. Цель выставки — ознакомить художников с историей этих видов изобразительного ис-
кусства.

В первом разделе выставки будет по-
казан лубок от его возникновения до со-
ветского периода.

Второй раздел выставки рассчитан на специальное изучение художественного репортажа. Здесь будут развернуты работы художников-очевидцев военных со-
бытий: «Художественный листок» Тимма, одното из первых русских военных кор-
респондентов, рисунки Каразина, Само-
киши, Лансере, Добужинского и др. Западноевропейские художники будут представ-
лены рисунками Гюббила, Бранги-
на и др. Журнальные рисунки русских и западноевропейских художников (в реш-
одукциях) подобираются из фондов библи-
отек и частных собраний.

Материалы этого раздела дадут возмож-
ность изучить методы работы художников,
установить, делали ли авторы своих зарисовок непосредственно на поле боя или выполнили свои рисунки в мастер-
ской, пользуясь документацией, и т. д. В связи с выставкой и ее материалами ор-
ганизуется ряд докладов.

Гвардии капитан И. Егоров.
Из фронтовых зарисовок художника Ф. Глебова.

По Советской стране

АЛМА-АТА. О большом успехе прошла в Драматическом театре им. Моссовета премьера «Русские люди», в постановке Ю. Завадского. Роль Сафонова играет В. Лавров, Глебу — Герман Власов, А. Бинканд, мать Са-
фонова — Э. Адамян, Харитонова — Р. Ка-
релина-Рант, Харитонов — Б. Бычков.

КУЙБЫШЕВ. «Урал кует побеги» — так
называется спектакль, над которым работают

постановщик Анна Караваева и кинорежиссер Ф. Киселев. Полнометражный художествен-
окументальный фильм по этому сценарию

будет поставлен в Куйбышевской студии ки-
нохроники режиссером Ф. Киселевым и В. Волковым.

САМАРСКАЯ ОБЛАСТЬ. Основанная учениками орга-
низации «Волна» — волгоградской ансамбль-
театральная группа, состоящая из учеников и

учеников волгоградской школы искусств.

БАРСУКИ. За время войны писатели Алданы-
ки вышли три сборника новых худож-
ественных произведений: «Борьба продолжает-
ся», «Кровь за кровь» и «Все для фронта».

Для детей написаны книги стихов и поэм Пар-
мена Руру и Нестора Малозиона об отече-
ственной войне. П. Руру работает над втор-
ичной частью романа «Рождение вена». Союз
писателей Алданы организовал литературную кон-
курсацию, которая уже вывела ряд талантливых юных писателей.

САМАРСКАЯ ОБЛАСТЬ. На русском язы-
ке издается роман П. Лория «Чайка». С. Селюк
писал его, готовил поэмы и рассказы, а волгоград-
цы — рассказы романа «Рождение вена». Союз
писателей Алданы организовал литературную кон-
курсацию, которая уже вывела ряд талантливых юных писателей.

БАРСУКИ. За время войны писатели Алданы-
ки вышли три сборника новых худож-
ственных произведений: «Борьба продолжает-
ся», «Кровь за кровь» и «Все для фронта».

Для детей написаны книги стихов и поэм Пар-
мена Руру и Нестора Малозиона об отече-
ственной войне. П. Руру работает над втор-
ичной частью романа «Рождение вена». Союз
писателей Алданы организовал литературную кон-
курсацию, которая уже вывела ряд талантливых юных писателей.

БАРСУКИ. За время войны писатели Алданы-
ки вышли три сборника новых худож-
ственных произведений: «Борьба продолжает-
ся», «Кровь за кровь» и «Все для фронта».

Для детей написаны книги стихов и поэм Пар-
мена Руру и Нестора Малозиона об отече-
ственной войне. П. Руру работает над втор-
ичной частью романа «Рождение вена». Союз
писателей Алданы организовал литературную кон-
курсацию, которая уже вывела ряд талантливых юных писателей.

БАРСУКИ. За время войны писатели Алданы-
ки вышли три сборника новых худож-
ственных произведений: «Борьба продолжает-
ся», «Кровь за кровь» и «Все для фронта».

Для детей написаны книги стихов и поэм Пар-
мена Руру и Нестора Малозиона об отече-
ственной войне. П. Руру работает над втор-
ичной частью романа «Рождение вена». Союз
писателей Алданы организовал литературную кон-
курсацию, которая уже вывела ряд талантливых юных писателей.

БАРСУКИ. За время войны писатели Алданы-
ки вышли три сборника новых худож-
ственных произведений: «Борьба продолжает-
ся», «Кровь за кровь» и «Все для фронта».

Для детей написаны книги стихов и поэм Пар-
мена Руру и Нестора Малозиона об отече-
ственной войне. П. Руру работает над втор-
ичной частью романа «Рождение вена». Союз
писателей Алданы организовал литературную кон-
курсацию, которая уже вывела ряд талантливых юных писателей.

БАРСУКИ. За время войны писатели Алданы-
ки вышли три сборника новых худож-
ственных произведений: «Борьба продолжает-
ся», «Кровь за кровь» и «Все для фронта».

Для детей написаны книги стихов и поэм Пар-
мена Руру и Нестора Малозиона об отече-
ственной войне. П. Руру работает над втор-
ичной частью романа «Рождение вена». Союз
писателей Алданы организовал литературную кон-
курсацию, которая уже вывела ряд талантливых юных писателей.

БАРСУКИ. За время войны писатели Алданы-
ки вышли три сборника новых худож-
ственных произведений: «Борьба продолжает-
ся», «Кровь за кровь» и «Все для фронта».

Для детей написаны книги стихов и поэм Пар-
мена Руру и Нестора Малозиона об отече-
ственной войне. П. Руру работает над втор-
ичной частью романа «Рождение вена». Союз
писателей Алданы организовал литературную кон-
курсацию, которая уже вывела ряд талантливых юных писателей.

БАРСУКИ. За время войны писатели Алданы-
ки вышли три сборника новых худож-
ственных произведений: «Борьба продолжает-
ся», «Кровь за кровь» и «Все для фронта».

Для детей написаны книги стихов и поэм Пар-
мена Руру и Нестора Малозиона об отече-
ственной войне. П. Руру работает над втор-
ичной частью романа «Рождение вена». Союз
писателей Алданы организовал литературную кон-
курсацию, которая уже вывела ряд талантливых юных писателей.

БАРСУКИ. За время войны писатели Алданы-
ки вышли три сборника новых худож-
ственных произведений: «Борьба продолжает-
ся», «Кровь за кровь» и «Все для фронта».

Для детей написаны книги стихов и поэм Пар-
мена Руру и Нестора Малозиона об отече-
ственной войне. П. Руру работает над втор-
ичной частью романа «Рождение вена». Союз
писателей Алданы организовал литературную кон-
курсацию, которая уже вывела ряд талантливых юных писателей.

БАРСУКИ. За время войны писатели Алданы-
ки вышли три сборника новых худож-
ственных произведений: «Борьба продолжает-
ся», «Кровь за кровь» и «Все для фронта».

Для детей написаны книги стихов и поэм Пар-
мена Руру и Нестора Малозиона об отече-
ственной войне. П. Руру работает над втор-
ичной частью романа «Рождение вена». Союз
писателей Алданы организовал литературную кон-
курсацию, которая уже вывела ряд талантливых юных писателей.

БАРСУКИ. За время войны писатели Алданы-
ки вышли три сборника новых худож-
ственных произведений: «Борьба продолжает-
ся», «Кровь за кровь» и «Все для фронта».

Для детей написаны книги стихов и поэм Пар-
мена Руру и Нестора Малозиона об отече-
ственной войне. П. Руру работает над втор-
ичной частью романа «Рождение вена». Союз
писателей Алданы организовал литературную кон-
курсацию, которая уже вывела ряд талантливых юных писателей.

БАРСУКИ. За время войны писатели Алданы-
ки вышли три сборника новых худож-
ственных произведений: «Борьба продолжает-
ся», «Кровь за кровь» и «Все для фронта».

Для детей написаны книги стихов и поэм Пар-
мена Руру и Нестора Малозиона об отече-
ственной войне. П. Руру работает над втор-
ичной частью романа «Рождение вена». Союз
писателей Алданы организовал литературную кон-
курсацию, которая уже вывела ряд талантливых юных писателей.

БАРСУКИ. За время войны писатели Алданы-
ки вышли три сборника новых худож-
ственных произведений: «Борьба продолжает-
ся», «Кровь за кровь» и «Все для фронта».

Для детей написаны книги